

УДК 801.7
ББК Ш80/84

А. Ю. Сергеева-Клятис

кандидат филологических наук,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ — КРИТИК Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Рассматривается реакция литературной критики на книгу Б. Л. Пастернака «Сестра моя жизнь». Книга была издана в мае 1922 г., в течение полугода на нее появилось множество отзывов и рецензий. Автором трех из них был О. Э. Мандельштам. Среди других значимых критиков, посвятивших этой книге свои разборы (М. И. Цветаева, Н. Н. Асеев, А. В. Бахрах). О. Э. Мандельштам был для Пастернака, пожалуй, самой значительной фигурой. Он проявил себя как тонкий рецензент, умеющий разглядеть глубинный авторский замысел и выявить особенности поэтики. Кроме того, О. Э. Мандельштаму удалось посмотреть на поэзию Б. Л. Пастернака в контексте прошлого и будущего русской литературы, ее традиций и перспектив. Как и Ю. Н. Тынянов (в статье «Промежуток»), О. Э. Мандельштам увидел в творческой работе Б. Л. Пастернака не просто главную составляющую текущего литературного процесса, но залог его будущего развития. Выбирая сравнительные формулы для Б. Л. Пастернака, О. Э. Мандельштам сблизил его с К. Н. Батюшковым, предтечей А. С. Пушкина. Книгу «Сестра моя жизнь» он назвал «Библией для мирян», имея в виду реформу языка, которую Б. Л. Пастернак осуществляет в своей поэтической работе. Сближение языка поэзии с разговорным языком О. Э. Мандельштам считает единственным продуктивным путем, по которому только и может осуществляться дальнейшее движение русской поэзии.

Ключевые слова: творчество Б. Л. Пастернака; творчество О. Э. Мандельштама; литературная критика; полемика; литературная традиция; литературный процесс.

A. Yu. Sergeeva-Klyatis

PhD in Philology,

Lomonosov Moscow State University

O.E. MANDELSTAM AS CRITIC OF B.L. PASTERNAK

The author studies the reaction of book critics to «My Sister — Life» by B. Pasternak, which was published in May 1922 and after half a year got lots of comments and book reviews. O. E. Mandelstam was the author of three of them. Other reviews were written by such respected critics as M. Tsvetaeva, N. Aseev, A. Bahrah, but O. Mandelstam's opinion was the most important one for B. Pasternak. Mandelstam was a sophisticated critic that could understand the author's intention and see the poetic manner. Moreover, Mandelstam managed to put Pasternak's poetry in the context of the past and future of Russian literature, its traditions and prospects. Like U. Tynianov (the article «[Interspace]»), O. Mandelstam saw that the work by Pasternak demonstrates not only the main trend of the contemporary literature, but also a guarantee for its further development. Looking for an image to compare Pasternak with, Mandelstam finds him similar to Batyushkov, an antecessor of Pushkin, and the book «My Sister — Life» — to «Biblia pauperum», meaning that the language reform in the Pasternak's poem was no less important. Mandelstam considered that combining and drawing together poetic language and common language was the only successful way to develop Russian poetry.

Keywords: Pasternak's creative work; Mandelstam's creative work; literary critics; polemics; literary tradition; literary process.

В начале 1923 г. через полгода после выхода в свет главной поэтической книги Б. Л. Пастернака 1920-х гг. «Сестра моя жизнь» на нее рядом критических заметок откликнулся другой крупный русский поэт О. Э. Мандельштам.

Среди голосов критиков, прозвучавших во второй половине 1922 г. были очень значимые и созвучные Б. Л. Пастернаку отзывы. Назовем, в частности, статьи М. И. Цветаевой «Световой ливень», Н. Н. Асеева «Письма о поэзии», рецензии Я. З. Черняка и А. В. Бахраха. Однако, возможно, отзыв О. Э. Мандельштама оказался среди них самым значимым для Пастернака в силу своей не эмоциональной, но профессиональной аргументированности и благодаря четкой выстроенной системе оценок.

В январе–марте 1923 г. вышли в свет три небольшие, но содержательные статьи О. Э. Мандельштама, две из которых были первоначально опубликованы отдельно, а впоследствии слиты автором в единый текст: «Буря и натиск»¹, «Vulgata» и «Борис Пастернак»². Собственно характер рецензии на «Сестру мою жизнь» носила только последняя заметка, но для нас принципиально важно остановиться на всех трех, поскольку в них выражен цельный взгляд О. Э. Мандельштама на современную литературу и на место в ней Б. Л. Пастернака³.

Попутно заметим, что, по свидетельству Н. Я. Мандельштам, знакомство двух поэтов произошло весной 1922 г., в год издания их поэтических книг: «Сестра моя жизнь» и «Tristia» [7, с. 47]. Между ними сразу установились отношения взаимного интереса и пристального внимания друг к другу, а вскоре человеческой и творческой близости, которые продолжались до 1929 г., ознаменованного скандалом с мандельштамовским переводом «Тиля Уленшпигеля»⁴. О. Э. Мандельштам, переживающий после недавней гибели Н. С. Гумилева сложный период самоопределения и поиска пути, нащупывающий направление будущего развития русской поэзии, естественно обратил свой взгляд на Б. Л. Пастернака.

Статья «Буря и натиск» посвящена недавней истории поэзии, прошедшей два бурных периода своего развития — символизм и футуризм. «Всякая новая литературная школа, будь то романтизм, символизм или футуризм, приходит как бы искусственно раздутой, преувеличивая свое исключительное значение, не сознавая своих внешних исторических границ. Она неизбежно проходит через период «бури и натиска»⁵. Только впоследствии, обычно уже тогда, когда главные представители школ теряют свежесть и работоспособность, выясняется их настоящее место в литературе и объективная ценность ими созданного» [2, с. 288–289; 6]. Собственно, О. Э. Мандельштам и посвящает свою статью анализу наследия символистов и футуристов, отдавая дань каждому значительному имени от К. Д. Бальмонта до В. В. Маяковского. Совершенно очевидно, что не столько прошлое и даже не столько современность волнуют О. Э. Мандельштама, обратившегося к такому детальному анализу двух поэтических течений, а скорее будущее. В соответствии с этим статья явственно разделяется на смысловые отрезки. Прошлое — символизм, настоящее — футуризм. Футуризм как актуальное течение вызывает больший интерес: «Подвести итоги символическому периоду легче, чем футуристическому, потому что последний не получил резкого завершения и не оборвался с той же определенностью, как символизм, погашенный враждебными влияниями. Он почти незаметно отказался от крайностей «бури и натиска» и продолжает сам разрабатывать в духе общей исто-

¹ Русское искусство. — 1923. — № 1. — С. 75–82.

² «Русское искусство». — 1923. — № 2–3 (первая часть под названием «Vulgata»; вторая часть со слов «Когда явился Фет»). «Россия». — 1923. — № 6 (под названием «Борис Пастернак»). В книге О. Э. Мандельштама «О поэзии» (1928) публиковались как единый текст под названием «Заметки о поэзии».

³ Детальный анализ этих и других критических высказываний О. Э. Мандельштама представлен в кн. [11, с. 85–122].

⁴ Подробнее см.: [4, с. 347–367].

⁵ Ср. со строкой из рецензии Я. З. Черняка: «Отправляясь от футуризма и через футуризм, поэт прошел свой Sturm und Drang период» [10, с. 303].

рии языка и поэзии то, что в нем оказалось объективно-ценного» [6, с. 290]. Это противопоставление уже ушедшего в историю символизма, в недрах которого начинал свой путь сам О. Э. Мандельштам, живому и действующему футуризму имеет глубокий смысл. Акмеизм после событий 1921 г. был завершен. Отдавая себе в этом отчет, поэт с ожиданием и надеждой всматривался в сегодняшний день русской поэзии, помышляя о ее завтрашнем дне. Футуризм, который «...разрабатывал не тему, а прием, то есть нечто внутреннее, соприродное языку» [Там же], представляется О. Э. Мандельштаму наиболее перспективным. Наряду с характеристиками В. В. Хлебникова, В. В. Маяковского и Н. Н. Асеева как главных представителей футуризма, О. Э. Мандельштам называет и Б. Л. Пастернака. Фрагмент о Б. Л. Пастернаке помещен в финал статьи и, таким образом, оказывается в самой сильной позиции: будущее русской поэзии — это Б. Л. Пастернак. «Последним выпущенным для всеобщего обихода и пользования российским поэтическим требником была «Сестра моя — жизнь» Пастернака. Со времен Батюшкова в русской поэзии не звучало столь новой и зрелой гармонии. Пастернак не выдумщик и не фокусник, а зачинатель нового лада, нового строя русского стиха, соответствующего зрелости и мужественности, достигнутой языком. Этой новой гармонией можно высказать все, что угодно, — ею будут пользоваться все, хотя бы они того или не хотят, потому что отныне она — общее достояние всех русских поэтов. До сих пор логический строй предложения изживался вместе с самим стихотворением, то есть был лишь кратчайшим способом выражения поэтической мысли. Привычный логический ход от частого поэтического употребления стирается и становится незаметным как таковой. Синтаксис, то есть система кровеносных сосудов стиха, поражается склерозом. Тогда приходит поэт, воскрешающий девственную силу логического строя предложения. Именно этому удивлялся в Батюшкове Пушкин, и своего Пушкина ждет Пастернак» [Там же, с. 298]. Обратим внимание на характеристику Б. Л. Пастернака — «...не выдумщик и не фокусник». Она парирует распространенный, благодаря активной позиции В. Ф. Ходасевича, в критике русской эмиграции тезис о словесном фиглярстве Б. Л. Пастернака, за которым скрывается сплошной туман. Эта позиция через несколько лет будет отчетливо проговорена в статье единомышленника и друга В. Ф. Ходасевича — В. В. Вейдле, который увидит в поэзии Б. Л. Пастернака «...много словесной эквилибристики и ненужных фокусов, прикрывающих недостаточную наполненность души и скудость основной поэтической стихии» [2, с. 470].

О. Э. Мандельштам, следуя общепринятому с XIX в. представлению о К. Н. Батюшкове как о предтече А. С. Пушкина (по словам В. Г. Белинского, «...еще не пушкинские стихи; но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских» [1; 7, с. 228]), распределяет роли так, что К. Н. Батюшковым XX столетия, оживляющим стертую языковую ткань, оказывается Б. Л. Пастернак. Однако К. Н. Батюшков был знаковой фигурой и для самого О. Э. Мандельштама, который соотносил с ним себя самого [5, с. 226]. Таким образом, Б. Л. Пастернак не просто единственный современный поэт, безоговорочно прописанный в будущем русской литературы, но его место и значение сложным образом сопрягаются с поэтической судьбой О. Э. Мандельштама, видимо, ощущающего с Б. Л. Пастернаком свое высокое равенство¹.

Если попытаться посмотреть на статью О. Э. Мандельштама в контексте происходящих на рубеже 1922–1923 гг. перемен, то совершенно очевидно, что как человек, живущий в истории, в своих приоритетах и оценках, он не может совершенно отгородиться от шума времени. Неслучайно тема Б. Л. Пастернака вырастает в его статье из подробного разговора о футуризме — в контексте футуризма так рассматривали новые книги стихов Б. Л. Пастернака практически все

¹ Ср. с цветаевской оценкой: «Вы первый поэт, в чей завтрашний день я верю, как в свой» (письмо Б. Л. Пастернаку от 10 февр. 1923 г.) [9, с. 33].

современные ему критики. Подспудно присутствует в мандельштамовской статье и ставшее уже обязательным сопоставление В. В. Маяковского с Б. Л. Пастернаком. Отмечено и синтаксическое новаторство Б. Л. Пастернака, обновляющего «кровеносную систему стиха». В параллель к этим «общим местам» можно привести, в частности, фрагмент из уже упоминавшейся статьи И. А. Груздева «Утилитарность и самоцель», рассматривающей Б. Л. Пастернака в контексте русского футуризма. И. А. Груздев сходным образом оценивает Н. Н. Асеева: «Он не открыватель новых земель, а мускулистый работник на уже отведенном историей огороде, не ищущий мастер, а даровитый и не ошибающийся ученик» [6, с. 188]; дает близкую характеристику В. В. Маяковскому: «Маяковский ввел в поэтический оборот лапидарность уличной речи, мотивируя ее комически» [Там же], сравнивая его с Б. Л. Пастернаком: «Маяковский заслонил Пастернака, между тем, Пастернак во многом параллель Маяковскому» [Там же, с. 189], отмечает синтаксическое новаторство Пастернака и внедрение им в поэзию разговорной речи: «Пастернак (“Сестра моя жизнь” М., 1922) ввел в поэзию комнатный язык, нашу обиходную речь, — путаную, неряшливую порой, недоговоренную, — мотивировав ее темами лирическими»; «”Непонятность” Пастернака и проистекает из такой недоговоренности, пропуска то подлежащего, то дополнения, или усиленной инверсии» [Там же]. Однако при всех типологических совпадениях не стоит забывать, что конечные выводы О. Э. Мандельштама гораздо глубже и сложнее, чем эти расхожие истины. То же можно сказать и о двух других его статьях, объединенных под названием «Заметки о поэзии».

Рассуждая о двух противоположных стихиях русского языка — книжной и разговорной, О. Э. Мандельштам пишет: «Для российской поэтической судьбы глубокие, пленительные гюковские тайны не в санскрите и не в эллинизме, а в последовательном обмирщении поэтической речи» [Там же, с. 555]. «Сестру мою жизнь» он считает самой удачной современной попыткой внедрения разговорной речи в поэзию, прежде всего, на уровне синтаксического построения: «...у Пастернака синтаксис убежденного собеседника, который горячо и взволнованно что-то доказывает» [Там же, с. 556]. И в этом смысле «...у нас сейчас нет более здоровой поэзии» [Там же]. Если в предыдущей статье пастернаковская книга стихов называлась требником, то теперь подбирается более значимая метафора — это «библия для мирян». Оттенок сакрального отношения к «Сестре моей жизни» сквозит и в том, и в другом образах. В лютеровских аллюзиях содержится намек на сложные отношения Б. Л. Пастернака с современностью, который разворачивается ниже: «Величественная домашняя русская поэзия Пастернака уже старомодна. Она безвкусна потому, что бессмертна; она бесстильна потому, что захлебывается от банальности классическим восторгом цокающего соловья. Да, поэзия Пастернака прямое токованье (глухарь на току, соловей по весне), прямое следствие особого физиологического устройства горла, такая же родовая примета, как оперенье, как птичий хохолок» [Там же]. Появившееся в начале статьи «щелканье и цоканье Н. М. Языкова» как прямое предвестие пастернаковского языка теперь обратилось в «восторг цокающего соловья» и отсылку к приведенному здесь же стихотворению «Определение поэзии». Цитированный фрагмент, по наблюдению Л. С. Флейшмана, содержит также реминисценцию из пастернаковской статьи «Несколько положений», опубликованной в альманахе «Современник» весной 1922 г.: «Токованье — забота природы о сохранении пернатых, ее внешний звон в ушах. Книга — как глухарь на току. Она никого и ничего не слышит, оглушенная собой, себя заслушавшаяся» [8, с. 15]. Автометаописание Б. Л. Пастернака практически совпадает с декларациями О. Э. Мандельштама-критика.

Статья «Заметки о поэзии» продолжает тему «Бури и натиска», разворачивая ту же самую мысль, — о поэзии Б. Л. Пастернака, как единственной на сегодняшний день наследнице классической русской традиции (К. Н. Батюш-

ков, Н. М. Языков, А. А. Фет), связанной с усовершенствованием и гармонизацией языка, которая ведет его по единственно возможному, «среднему удобному пути» сближения с разговорной речью.

Список использованной литературы

1. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина: Статья третья / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений : в 13 т. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1957. — Т. 7.
2. Вейдле В. В. Стихи и проза Пастернака / В. В. Вейдле // Современные записки. — 1928. — № 36. — С. 459–470.
3. Груздев И. Утилитарность и самоцель / И. Груздев // Петроград : Литературный альманах. — Пг., 1923. — Вып. 1.
4. Котова М. Мандельштам и Горнфельд. К истории одного скандала / М. Котова, А. Сергеева-Клятис, О. Лекманов // Семиотика скандала : сб. ст. / науч. ред. Е. Н. Пенская, Н. Букс. — Париж ; М. : Европа, 2008. — С. 347–367.
5. Лекманов О. А. Осип Мандельштам / О. А. Лекманов. — 3-е изд., доп. и перераб. — М. : Молодая гвардия, 2009. — 357 с. (Серия: Жизнь замечательных людей).
6. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений : в 4 т. / О. Э. Мандельштам. — М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999.
7. Пастернак Е. В. Координаты лирического пространства / Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернак // Литературное обозрение. — 1990. — № 2. — С. 44–51.
8. Флейшман Л. С. Борис Пастернак в двадцатые годы / Л. С. Флейшман. — СПб. : Академический проект, 2003. — 464 с.
9. Цветаева М. Души начинают видеть: Письма 1922–1936 гг. / М. Цветаева, Б. Пастернак. — М. : Вагриус, 2004. — 720 с.
10. Черняк Я. З. Борис Пастернак. «Сестра моя жизнь» / Я. З. Черняк // Печать и революция. — 1922. — № 3 (6). — Рец. на кн.: Пастернак Б. Сестра моя жизнь. М. : Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 136 с.
11. Pollac N. Mandelshtam the reader / N. Pollac. Baltimore & London, 1995.

References

1. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moscow, 1957. Vol. 7.
2. Veydle V. V. Poems and prose by Pasternak. *Sovremennye zapiski – Contemporary notes*, 1928, no. 36, pp. 459–470 (in Russian).
3. Gruzdev I. Utility and a goal in itself. Petrograd. *Literaturnyy almanakh – Petrograd. Literary Miscellany*. Petrograd, 1923. Iss. 1 (in Russian).
4. Kotova M., Sergeeva-Klyatis A., Lekmanov O. Mandelstam and Gornfeld. On the history of one scandal. *Semiotika skandala* [Scandal semiotics]. Paris, Moscow, Europe Publ., 2008. Pp. 347–367 (in Russian).
5. Lekmanov O. A. *Osip Mandelshtam* [Osip Mandelstam]. 3-d ed. Moscow, Molodaya Gvardia Publ., 2009. 357 p.
6. Mandelshtam O. E. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, Art-Biznes-Tsentr Publ., 1993–1999.
7. Pasternak E. V., Pasternak E. B. The coordinates of lyrical space. *Literaturnoe obozrenie – Literary Review*, 1990, no. 2, pp. 46–47 (in Russian).
8. Fleyshman L. S. *Boris Pasternak v dvadtsatye gody* [Boris Pasternak in the 1920s]. Saint Petersburg, Academicheskii proekt Publ., 2003. 464 p.
9. Tsvetaeva M., Pasternak B. *Dushi nachinayut videt: Pisma 1922–1936 gg.* [Souls start to see: letters of 1922–1936]. Moscow, Vagrius Publ., 2004. 717 p.
10. Chernyak Ya. Z. [A review to the book by B. Pasternak «My Sister – Life»]. *Pechat i revolyutsiya – Print and Revolution*, 1922, no. 3 (6) (in Russian).
11. Pollac N. *Mandelshtam the reader*. Baltimore & London, 1995.

Информация об авторе

Сергеева-Клятис Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, кафедра литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 9, e-mail: annaklatis60@yahoo.com.

Author

Sergeeva-Klyatis Anna Yurievna — PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Literary Criticism and Political Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St., 125009, Moscow, Russia, e-mail: annaklatis60@yahoo.com.